

Л. Чарская

Один за всех

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.А.**
Один за всех / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2023. – 122 с.

ISBN 978-5-4241-1378-9

У героев и героинь замечательных книг Лидии Чарской есть чему поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу, подвиг во имя Родины...

ISBN 978-5-4241-1378-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Л.А. Чарская, 2023

Отрок Варфоломей и старец-пресвитер в доме боярина Кирилла.

Ориг. рис. С. И. Панова.

Л. А. Чарская

ОДИН ЗА ВСЕХ

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ПОДВИЖНИКА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

ПРОШЛОЕ русской земли богато великими героями, проявившими чудеса храбрости, жертвовавшими жизнью для родины. Богато оно выдающимися и по своим мирным заслугам личностями, богато крупными, беззаветно трудившимися на славу своего народа государственными деятелями.

Но русская история слагалась не только из подвигов героев и деяний государственных деятелей. В жизни русского народа, в ее судьбах, играли огромную роль и скромные подвижники, которые своим примером вдохновляли народные массы, укрепляли в них веру, облагораживали их нравы и, отдавая свою жизнь на служение высоким идеалам, оставили память — прочнее памяти многих героев, витязей и богатырей. И такие люди, по своей кончине, становились предметом благоговейного почитания всего русского народа, от царя до последнего простолюдина.

Признается полезным знакомить юношество в художественной форме рассказа с жизнью и деятельностью героев, государственных людей, ученых, писателей. Несомненно, следует считать не менее полезным ознакомление юного поколения в художественной беллетристической форме, и с жизнью тех великих подвижников, деятельность которых тесно связана с историей родины и которых народ справедливо причисляет к своим богатырям — богатырям духа.

Жизнь, и в особенности юные годы, одного из таких праведников и подвижников составляет содержание предлагаемой повести.

Этот праведник — Преподобный Сергей Радонежский, бесспорно, одна из самых замечательных личностей нашего далекого прошлого, праведник, к гробнице которого ежегодно стекаются миллионы русских людей, чтобы подкрепить себя молитвою, найти утешение в горе.

«Если бы возможно было, — говорить наш знаменитый историк В. О. Ключевский, — воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного Сергея, что в эти пятьсот лет (со времени его кончины) было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокой историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, дивно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды».

Жизнь Св. Сергея — помимо религиозного значения Преподобного — представляет богатый пример необыкновенного трудолюбия, кротости, готовности работать для ближних и ради пользы ближних. Она полна интересных и, в то же время, поучительных фактов, способных облагораживающе действовать на юные сердца, вызывать их добрые чувства, развивать в них любовь к людям, уважение к труду.

В предлагаемой повести жизнь великого праведника рассказана на основании летописей и сказаний, которые в течение столетий переходили из поколения в поколение и удостоверены историею. Стараясь сохранить в самом рассказе колорит эпохи и имея в виду юных читателей и читательниц, автор стремился в то же время с внешней стороны дать своему произведению такую форму, которая могла бы не только в достаточной мере заинтересовать их, но и ввести в тот особый мир, где протекала вся подвижническая жизнь и деятельность этого поистине народного героя труда и веры.

Иллюстрационная часть повести состоит преимущественно из копий с картин известных художников, вдохновившихся жизнью великого подвижника земли русской, из видов, связанных с его именем, снимков с принадлежавших ему вещей и пр. В самом же тексте помещены снимки с древних миниатюр, воспроизведенных с рукописи XVI века, хранящейся в ризнице Троице-Сергиевской Лавры.

I

ГОЛУБОЙ радостный и светлый день. Прозрачно-синей глубиной моря кажется небо или лазоревым заповедным озером, там высоко, вдали. А земные хрустальные озера и реки отражают небеса. И мнится: два неба, два озера, два моря — внизу и вверху. Ласково-нежный, как сладкий бальзам душист воздух. В нем летнее дыхание диких левкоев, розовой кашки, гвоздик полевых. Наверху, над заоблачными сказочными озерами неба — золотое светило: солнце, улыбка Бога и радость земли. Оно не горючий, дышащий зноем пламень сегодня, — оно ясное, нежное и спокойное. Начало лета и прощанье весны.

День красивый, как сказка. Радостный день, теплый, ласковый, нежащий, посланный небом для утех земли.

В четырех верстах от Ростова, славного города Ростова, отражавшего так отчаянно храбро набеги диких кочевников-татар и павшего под их бешеным натиском, небольшая усадьба, вся обласканная, вся согретая и принаряженная майским полднем. На высоком тыне играют солнечные блики, на белых крепко выложенных тесовых стенах хором, гридниц и пристроек мелькают световые пятна. Слово белоликие феи, бегают взапуски, прыгают и резвятся солнечные улыбки.

Там, за сараями, тенистей и будто сумрачней. Длинные тени ложатся от высоких дубов с мохнатыми шапками из свежей листвы на гордых головах-вершинах и от гибких, как прутики, юных тополей, похожих на юношей с зелеными глазами. Там, в тени, под тыном — лужайка. На лужайке толпа мальчиков-невеличков, от пяти до десяти лет. Играют во что-то странное, непонятное по первому взгляду. Что за игра?

Один сидит под дубом. Этот старше всех; по виду ему лет двенадцать. Он высокий, тоненький, как былинка, черноглазый, а лицо суровое, брови, будто кисточкой проведенный, сжались над тонким прямым носом. Брови хмуры, а пухлые детские губки, точно спелые алые вишни, кривятся в усмешку. В руках лист огромного лопуха, сорванного тут же под тыном, и указка в виде ивовой лозы, гибкого прутика, наполовину очищенного от кожицы.

Мальчик одет чисто и опрятно; не роскошно, нет, хотя он и боярский сын, дитя всем известного боярина Кирилла Ивановича Иванчина, приспешника и советчика первого при дворе князя Константина Борисовича, удельного владе-

теля Ростовской земли.

И усадьба эта за зеленым тыном принадлежит боярину Кириллу, и высокий, стройненький с нахмуренным лицом черноглазый отрок его старший сын — Степан. Тут же в толпе детей и младший сын — Петруша, голубоглазенький, белокуренький с детским невинным личиком шестилетний шалунок. Всех детей человек десять. Все стоят на вытяжку, глаза вперили в черненького Степу, что сидит на срубленном стволе под дубом с нахмуренным лицом, с сумрачными очами.

— А ну-ка, подходи, — кричит Степа, и черные глазенки его поблескивают, как угольки, — ты, Кирюшка Безруков!

Из толпы выделился мальчуган, бутуз лет семи-восьми, рыхлый, белотелый, вскормленный на мамушкиных подовых пирогах, на имбирных хлебцах, да на всякой сытной живности. Чистый кубарь, а не мальчик. Отделился от толпы, приблизился к дубу, поклонился в пояс Степе.

— Здрав будь, господин учитель!

— Здорово, паренек! Покажи свое уменье. Больно знатно ты псалтирь читаешь, наслышан я, так удружи, любезненький, а мы послушаем.

И с важностью заправского учителя степенно протянул Степа Кирюше лист лопуха.

Лист лопуха — псалтирь. Лист лопуха — Четьи Минеи. Он же и — Житие Святых, и все, по желанию. Что подскажет детская фантазия, то и представит из себя лист лопуха.

Этот Степа — учитель сейчас, мальчишки — ученики, полянка под тыном — школа. В школу и в учителя играют мальчишки, дети разных служивых городских людей, пришедшие сюда в боярскую усадьбу из города и из соседних ближних вотчин поиграть перед тем, как отправиться в настоящую заправскую школу.

Кирюша-бутуз берет лопух и читает певуче:

— Аз, Рцы, Хер, Аз... Архангел... — с трудом, обливаясь потом, произносит он, как бы читая на воображаемой странице книги воображаемое слово.

— Ладно, умник, пряник за мной... Подходи ты, Петруша, — одоббив кивком головы товарища, говорит Степа.

Выбегает к дубу другой мальчик. Этот совсем крошка, голубоглазый, маленький, похожий на херувимчика, только вот загорелый — в этом с херувимом и разница вся.

Это братец Степана — Петруша... Бойкий, веселый, глазки что звездочки горят.

— Давайка-сь, господин учитель, я тебя потушу! — сам хватает лопух и бойко читает наизусть псалом Давидов:

— Се удаляхся бегая и водворихся в пустыне, чаях Бога, спасающего меня (псал. 54, 8, 9).

Странно звучат строгие, суровые слова царя-пророка в устах ребенка. Память у Петруши на диво.

— Молодец, — хвалит старший брат, — где слышал такое?

— Брат Варфушка давеча молился, я и упомянул.

— Варфушка? Ишь, ты... Да где же он?

Степино суровое лицо разглаживается в минутку. Бровки, как стрелки, от переносицы разбегаются прочь.

— Где Варфушка, да... чего не играет с нами? Куда схоронился? — с любопытством спрашивает Степан. А сам уже вскочил со своего пня-обрубка, глядит поверх голов товарищей-мальчиков. Ищет взглядом того, кого хочет видеть сейчас.

— Варфушка! Варфушка! Варфоломей! — кричит Степа, прикладывая руки ко рту, — к нам ступай, сюда, Варфушка! Ско-ре-и-ча!

Крикнул и слушает, не откликнется ли тот, не поблизости ли он ненароком.

Кирюшка Безруков смеется:

— Ай, Степа, Степа, нешто не знаешь, что не любит играть да баловаться с нами Варфоломей...

И другой — Вася, Парфилия-дьяка сын, вторит детским басом:

— Штой-то важен больно Варфушка, ребят гнушается.

И третий — Ванюша, стремянного князя Константина Борисовича сын, шумит:

— Боярством своим, знать, кичится. Видно не то, что братья его, Степа да Петя: те с нами, как ровни...

— Ладно! Не покичится у меня! Я ему старший брат, у меня коротка расправа. Слышите? Сыскать мне сейчас Варфоломея, да привести сюда! Силком его с нами играть приневолю, коли не хочет по своей охоте. Ну, вы, живым духом, ребята!

И властно взмахнул загорелой ручонкой Степан. Брови опять сомкнулись у переносицы. Лицо приняло строгое, суровое выражение. Ну, вот-вот — и впрямь учитель.

Веселой стаей шарахнулись ребяташки в поисках за Варфоломеем. Слова Степы — тот же приказ. Сильный этот Степа, большой, старше их всех. Его ли не слушать. Ишь, суровый! Того и гляди лозой угостит. Все ребятки его слушать, как овцы пастуха своего, готовы. Вот и сейчас: едва сказал, а они уж пятками засверкали, метнувшись на поиски за младшим братом Степана — Варфушкой.

II

СОЛНЦЕ выше поднялось. Купается в голубом хрустале заоблачных озер. Ладьи белые, дымчатые плывут по этому озеру — облака. Прихотливой формы они: не то лебедь, не то корабль, не то белоснежный дракон сражается с неведомым воителем. Ах, красиво! Будто не въявь, а во сне все это. А внизу море зелени. Травы-купавы, зеленые былинки, миловидные, гибкие, нежные, хрупкие. А цветики душистые, полевые цветики — Божьи подарки матушке-земле, алые радостные, голубые сладко-грустные, желтоватые, белые — невинная, чистая красота.

С зеленой травой сплетаются, как братья с сестрами любимыми целуются, и колышутся, и свиваются в чуть приметном для глаз танце.

Мальчик Варфоломей смотрит на едва зримый танец былинки и пестрых цветов от ласки ветерка, от зыби. Мальчик он странный какой-то и совсем особенный. Лежит на земле, глаза широко раскрыты. Синие волны переливаются в этих глазах. Золотая небесная звезда загорается в них. Загорается и вдруг то меркнет, то снова сияет. Целый мир в этом взоре, мир недетский. В нем и ясная, задумчивая, красивая печаль, и тихий грустный восторг и что-то строгое, чудесное и тоскующее. Губы тонкие, не ребячливо строгие, сомкнуты без улыбки. Нос

тоже тонкий и пряменький. Несмотря на юность, определившееся уже личико. Кудри шапкой золотистой выются над высоким загорелым лбом, нужные, как лен, шелковистые. Ему семь лет, но по виду больше. Стройный он весь, сильный, хоть и худощавый. Знойный загар позолотил грудь, лицо, тонкие кисти маленьких рученок.

Вблизи, где зеленое море трав пресеклось немного, образуя крохотную лужайку, высится муравьиная куча. Целый дворец хитросплетений маленьких тружеников-муравьев. Варфушка смотрит на дворец. Глаза разгораются ярче. Это уже не синие звезды в золотом ореоле сияния. Это два солнца тропических, два метеора под темными извилинами длинных ресниц.

Варфушка смотрит и думает.

— Муравьи-труженики, Божьи работнички, выстроили сами себе палаты, хоромы с гридницами и переходами, опочиваленки, боковуши и житницы. Все сами носили по пруту, клали травку к травушке, былинку к былиночке. Вырастали хоромы. Еще клали, сплетали, — еще вырастали. Во славу Божию работали работнички махонькие. Господь труды любит. Выстроили палаты для детушек своих, для всего муравьиного народа насекомого. Ах, хорошо! Хорошо так трудиться! Для других, для своих, для чужих, для всех. Хочу быть муравьем-работничком, хочу трудом своим радовать родимых и себя, хочу...

— Варфушка! — в тот же миг пролетело над белокурой головкой и эхом повторилось за полем в лесу.

— Варфушка! Подь сюда, Степа зовет!

— Эх, горе! Нашли меня ребятки, — вихрем проносится новая мысль в голове Варфушки; — эх, горе, придут, увидят, за собой поташут, заставят бегать, играть, баловаться... Не могу я. Не хочу. Не умею. Схорониться разве? Прилечь к травушке, прижаться к зеленой, авось не разыщут, не найдут.

— Варфушка!

Молчит. Молчит синеокий мальчик. Личико напряженное. В глубоком взоре сверкает мысль.

— Схоронюсь!

Бросился в траву ничком. Едва дышит.

Минутки ползут за минутками. Муравьи скорее двигаются под тяжелыми ношами, таская пруты и соломинки в земляной свой дворец.

— Ах!

— Ишь, он где схоронился!

— Ин, притих даже!

— Ах, ты, баловень!

— Врешь, не обманешь...

— Тащи его к Степе, ребята!

— Пуцай его с нами играетя...

— Гордец какой!

Толпа ребят окружает Варфушку. Поднимают с земли, ставят на ноги, тормозят.

— Пойдем-ка-сь к Степе на расправу! В школу играем. Тебя не хватало. Ступай псалтирь читать, ты ведь читальщик знатный, — смеется пухлый Кирюша.

— Ха, ха, ха, — вторят ему другие, — и впрямь мастер Варфушка. Небось,

рцы от глагола отличить не сможешь.

И опять хохочут. Знает Варфоломей, смеются над ним. Над его бессилием понять трудную грамоту смеются. Ах, беда, беда ему, Варфушке. Сколько ни бьется с ним учитель — не одолеть ему грамоты. Век не одолеть. Не дается ему книжная премудрость. Все он умеет: и избу из дощечек сколотить, и насад¹ устроить, и деревца из щепочек выстругать, а грамота для него — темна, как ночь. Горе, да и только. И знают это его горе ребята и смеются над ним.

Притащили насильно на поляну, к дубу, под которым сидит, приняв свой строгий вид, Степан, толкают к нему Варфушку, хохочут, шумят. Степа не шумит, не смеется. Принял снова важный учительский вид.

— А, ну-ка, отрок Варфоломей, скажи, што ежели рцы да аз сложить, што выйдет?

— Рцы да аз... рцы да аз... — лепечет Варфушка и весь вспыхивает заревом, точно перед ним не брат сидит, а заправский наставник.

И затихает. Не знает, не умеет сложить двух букв. Тяжко ему это. Не по силам.

Степа хмурится. Поднимает лозу-указку и легонько взмахивает ею над спиной брата. Ударит сейчас Варфушку гибкая, хлесткая ивовая лоза. Вдруг скрещиваются глаза братьев. Черные Степины и синие, как глубь озера, Варфоломея.

— Не тронь, не тронь! — без слов шепчут синие черным, — нешто я повинен?

И опускается, как плеть, смуглая от загара рука Степана. Варфушка стоит, поникший, грустный.

— Рцы да аз... рцы да аз... — лепечет он в смятении.

Вдруг суета около. Легкий крик испуга.

— Идет! Сюда идет, учитель-дьяк сюда сейчас пожалует! — срывается с детских губок, и вся толпа ребятшек устремляется навстречу быстро шагающему по поляне человеку, не то монаху, не то дьячку в темном подряснике с крохотной косицей жидких волос, с хлестким прутом в руке.

— Ин, они где, чадушки нерадивые; ин, они заместо книжного мудрствования действиями какими забавляются, — певуче, вкрадчивым голосом, но с сердитым мельканием гневных огоньков в глазах, затянул человек в подряснике. Это учитель-дьячок одной из подгородних сельских церквей, расположенных близ Ростова, в полуверсте от усадьбы боярина Кирилла.

— Нешто для баловства, для утехи врага рода человеческого настало для вас Божие утро? — уже совсем гневно крикнул он и, как стадо быстрых барашков, погнал детей к небольшой, белевшейся близ сельской церковки, избе, где он учительствовал, преподавая детям грамоту.

В то время, в XIII веке, мало было школ на Руси. Заведовало обучением грамотности духовенство. Епископом Ростовским был тогда Прохор «благочестивый», «учительный», как о нем говорит история; под его руководством шло дело обучения грамотности и назначение руководителей — учителей в Ростовской земле. Дьячок Назарий из соседнего сельца близ усадьбы Иванчиных учит ребят-подростков из ближних усадеб и сел, что расположены подальше от города.

Дьячок Назарий вошел в избу. Вошли за ним и мальчики. Робко, стараясь не стучать, расселись, кто на скамье, кто на сидельце, крытом скромным поволошником, кто прямо на полу, поджав ноги. У всех серьезные, чуть испуганные лица. Один Степа спокоен. Он — грамотей, гордость школы и учителя. Как свои десять пальцев на руках, знает он грамоту. И псалтирь, и Четьи Минеи, и житие кого